Русский курьер. – 2004. – 9 августа. – с. 8

На скамейке, где сидит он...

Виктор КОСТЮКОВСКИЙ,
Санкт-Петербург

РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Зощенко сидит на скамейке. Бронзовый писатель на бронзовой скамейке. В Сестрорецке. Памятник, можно сказать, асимметричный, рядом с Михаилом Михайловичем много свободного места. Садись и фотографируйся. Что ж, садятся и фотографируются. Особенно часто в эти дни. 9 августа Михаилу Михайловичу исполняется 110 лет.

Когда о нем говорят, как о человеке трагической судьбы, то забывают, что при жизни, еще до всех этих ждановских преследований и партийных постановлений, Зощенко испытал такое признание, такую славу, какая редко кому выпадала на долю. Издал собственный шеститомник! Письма ему шли мешками, его узнавали на улицах, журналы добивались его рассказов. А сам он был отменно красивым человеком, кажется, Чуковский писал, что самым красивым из всех, кого он знал.

Почему его так любили, особенно ленинградцы? Потому что среди однообразного псевдолитературного потока он вдруг показал читателю... зеркало! Он показал Ленинград не «колыбелью революций», а внезапно одряхлевшим (после переезда столицы в Москву) среднестатистическим уездным городом. Он показал ленинградца не «культурным, интеллигентным», а маленьким, обыкновенным человеком. В этом зеркале они увидели себя. Одни увиденному обрадовались, другие, понятно, оскорбились. Но вряд ли кто-то отбросил книжки и журналы с его рассказами в сторону, вряд ли кому-то свело скулы от скуки.

Что, казалось бы, по сравнению с этим – жалкие ярлыки, которыми оклеивали его творчество и его самого полуграмотные вершители судеб?

Это сейчас так может показаться. Ярлыки в самом деле приводили к трагедиям. В лучшем случае они отлучали писателя от читателя. Характеристики, содержавшиеся в справке МГБ, направленной в ЦК ВКП (б), где готовилось знаменитое постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», содержали такие слова, что писателю впору было готовиться к самому худшему:

«На протяжении ряда лет Зощенко характеризуется как писатель с антисоветскими взглядами, критикующий политику партии в области искусства и литературы...»

«Зощенко до последнего времени в своей творческой деятельности остается в стороне от советской действительности, не принимая участия в создании литературных произведений, отражающих нашу современность...»

«...является автором антисоветских рассказов, которые читались в близких ему литературных кругах».

«...постоянно высказывает свое враждебное отношение к советской цензуре, жалуясь на невозможность заниматься творческой работой».

«...во время наступления немецких войск Зощенко высказывал неверие в победу Советского Союза в войне с Германией».

В этой справке есть, как водится, и ложь, и полуправда, но есть и правда. Из нее мы узнаем о высказываниях, которые «позволял себе» писатель:

«Мы беззубые юмористы, нам не позволяют трогать существенные вопросы. Всякая критика запрещена, непременное требование идеологии лишает возможности объективно отражать быт и жизнь».

«Я вижу сплошные неполадки вокруг... Рабочие и служащие не заинтересованы в своей работе, да и не могут быть заинтересованы, так как для этого им должны платить деньги, на которые они могли бы существовать, а не прикреплять их к работе... Вообще впечатление такое, точно мозг всех учреждений распался, так как большинство хороших руководящих работников изъято, а новых нет».

«Я считаю, что советская литература сейчас представляет жалкое зрелище. В литературе господствует шаблон. Поэтому плохо и скучно пишут даже способные писатели. Нет зачастую у руководителей глубокого понимания задач искусства».

«Творчество должно быть свободным, у нас же – все по указке, по заданию, под давлением».

Спасибо МГБ! Без этого содержательного документа личность великого писателя могла бы оказаться для нас неполной. Человек трагической судьбы был человеком свободным. И в творчестве, и в жизни. В словах написанных, напечатанных и сказанных.

Да, трагическая судьба, но могло быть и куда хуже. Даже после исключения из Союза писателей (в те времена это было фактически «исключение» из писателей) его приняли снова. Даже после запретов на публикации еще при жизни опять начали издавать. Да и умер он своей смертью, на седьмом десятке. Похоронили его в Сестрорецке, где он проводил много времени – на даче.

Правда, уже и после смерти с Михаилом Михайловичем случались неприятности. Одну из них ему доставили, можно сказать, его «герои», «маленькие человечки». Сняли с могильного памятника его бронзовую голову и снесли в утиль. Ее, правда, нашли и от греха упрятали в библиотеку. Названную, между прочим, его именем – что еще, помимо издания книг (а их издают регулярно), нужно писателю для посмертной славы среди читателей? Так Михаил Михайлович Зощенко посрамил своих гонителей и хулителей, которых уж мало кто и помнит-то.

В 1935 году, заканчивая «Голубую книгу», он писал о своих планах. В частности, намеревался написать книжку с эпиграфом из Кромвеля: «Меня теперь тревожат не мошенники, а тревожат дураки».

Они его всю жизнь тревожили.

На скамейке, где сидит он, есть свободные места. Их на время будут занимать фотографирующиеся читатели, как «маленькие человечки», так и «интеллигентные, культурные». Но только на время. На той скамейке, которую занимает Зощенко, пока что никому больше места нет. Некоторые «юмористы» и хотели бы присоседиться, но их место в «аншлагах». Хлебное, признаем, место, и это уж наша беда.